

18+

Анатолий Агарков

Годы чудесные

*Я никогда не позволял,
чтобы мои школьные
занятия мешали
моему образованию.
(М. Тлвен)*

Анатолий Агарков

Годы чудесные

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29803750
ISBN 9785449041715*

Аннотация

Открыто и без прикрас об учителях! Кто бы рискнул? Наверное, только настоящий писатель. Вот говорят, учитель от Бога! А на поверку выходит – просто человек хороший, которого любят все дети. Так и складываются впечатления и остаются воспоминания об учителях хороших и не очень, о друзьях, что не «ах!» и врагах закадычных, о первой несчастной любви. Те годы чудесные, когда деревья были большие....

Содержание

1	5
2	8
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Годы чудесные

Анатолий Агарков

Я никогда не позволял, чтобы мои школьные занятия мешали моему образованию.
(М. Твен)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-4171-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Отлично помню всю свою школьную жизнь с первого звонка и до последнего.

Разнесчастному нашему первому «Б» не нашлось учителя. После общешкольной линейки и первого звонка к нам подошла крупная девушка в чёрной юбке и белой кофточке с алым галстуком – представилась Ольгой Оскаровной, пионервожатой. Увела нас на школьный стадион, где мы до конца уроков играли а «Красное знамя, ударное звено...». Нормально, решили мы с друзьями, возвращаясь домой – а то пугали: школа, школа.... И решили завтра портфелей не брать – а зачем, всё равно в траве пылятся, а руки оттягивают.

На следующий день учитель нашёлся – это была Валентина Михайловна, школьный библиотекарь. Провела нас в класс, рассадила за парты, проверила наличие «Букварей» и прочих необходимых школьных принадлежностей. Отметила нашу (бугорских ребят) несобранность. Жизнь ученическая началась.

Мы рисовали в разлинованных тетрадках палочки, галочки, крестики, нолики, буковки, циферки.... Но мы были детьми и, конечно же, шалили. Когда шум в классе мешал учебному процессу, Валентина Михайловна прерывала его.

– Ну, порезвитесь, порезвитесь – я подожду.

И отходила к окну, сплетя под бюстом руки. Она с грустью смотрела на кружащиеся за стеклом жёлтые кленовые листья и думала о чём-то своём. Мы только что на головах не ходили – шумели и безобразничали на полную катушку, порой даже школьного звонка не слышали.

– Если вы не стремитесь к знаниям – вколачивать их бесполезно, – говорила Валентина Михайловна, заканчивая урок.

– Вы наказывайте их, наказывайте, – советовали учителя.

– Да как же?

– В угол ставьте.

Валентина Михайловна стала отправлять в угол шалунов.

Однажды собралось нас там человек пять, и я, времени не тратя даром, тут же принялся придумывать историю о том, как четверо немецких парней – Гитлер, Геринг, Гиммлер и Геббельс создали тайное общество и придумали свастику, сложив первые буквы своих имён. Рассказ так увлёл, что не заметили учителя.

Валентина Михайловна:

– А вам тут не скучно. О чём рассказываешь, Агарков? Может, и нас посветишь?

– Пусть расскажет! Пусть расскажет! – зашумел класс.

Валентина Михайловна:

– Ну, хорошо. Вы садитесь. Сейчас поработаем немного, а минут за десять до звонка Толя нам расскажет свою историю.

Десяти минут мне не хватило. Я рассказывал и в конце второго урока и в конце третьего....

После уроков Валентина Михайловна позвала меня в библиотеку.

– Читать умеешь?

– Да.

Подает мне «Робинзона Крузо».

– Зачем фашисты? Рассказывай об этом человеке.

Я дома быстро прочитал все приключения парня из Йорка. Но тема лишь платформою была для собственных фантазий. Что я там насочинял! Класс слушал, затаив дыхание. Погони, драки, перестрелки, груды золотого песка....

– Ну, вот что, делу время, а потехе час, – Валентина Михайловна установила контроль над процессом. – Сначала выполняем все задания, а потом слушаем, сколько времени останется.

И мне:

– Чтоб никаких рассказов вне класса – иначе больше книг не дам.

И выдавала – о путешествиях Гулливера, «Руслан и Людмила» Пушкина, «Волшебник Изумрудного города». Вот так с Валентиной Михайловной на пару двигали учебный процесс.

Учился я неважно – с тройки на четвёрку перебивался, но в двоечниках не ходил.

Вопрос о второгодстве поставила наша новая учительница Екатерина Степановна – Катька Невеликая. Под её железную руку мы попали во втором классе – Валентина Михайловна вернулась в библиотеку. Основным предметом, с помощью которого в классе поддерживалась дисциплина и успеваемость, была стальная метровая линейка. Она гулко хлопала плашмя по нашим плечам, выбивая пыль, и больно секла, впиваясь ребром. Она не покидала рук Екатерины во время урока, и секирой палача стояла в углу на переменах. Нам бы выкрасть её да сдать в металлолом. Но, то ли ума не хватало, то ли запуганы были насмерть.

Когда она меня треснула однажды, даже заикаться начал. Выучу дома урок, а к доске выйду, гляну на стальную линейку, змеёй извивающуюся в руках преподавателя, и всё – язык к гортани прилипает.

– Не учил? – сдвигает брови «императрица».

А у меня плечи к ушам тянутся и слёзы по щекам.

– Садись, тупица, «два».

Этих двоек я нахватал....

Екатерина Степановна вызывает в школу маму, пальцем в меня тычет:

– Первый кандидат на второй год.

– Что ж ему не хватает? – мама горько сетует. – Старшая

сестра ударница.

– Тупой потому что.

Дома пересказала разговор с учителем отцу. Тот:

– Не верю. Ни одному слову не верю.

– Ну, так сходи и разберись.

– Нет, в такие дела я не суюсь.

И мне:

– Тебе жить, сынок, ты и учись.

Я напрягался, письменные работы все делал, но отвечать у доски до смерти боялся.

Школа стала полигоном нашего соперничества с сестрой. Люся успевала по всем предметам, её хвалили учителя, а я у Катки Невеликой балбес балбесом был – с двойки на тройку перебивался и с трудом переходил в следующий класс.

«Рахитик!» – кривила губы сестра, суммируя мои умственные способности с физическими данными. Мама рукой махнула – непутёвый. Отец терпеливо ждал, когда же во мне разыграет агарковский характер, и покажу я свои истинные способности.

И вот однажды мой интеллект проснулся. Тому, наверное, дружба с сестрой и братом Шиляевыми способствовала. Я не только стал получать хорошие оценки, но обнаружил вдруг удовольствие в самом процессе познания. Учебники обычно покупали в августе, а к началу учебного года в них не оставалось ни одной незнакомой для меня страницы. И в моих и Люсиных.

– Ты что, паршивец, делаешь! – возмущалась сестра, обнаружив подвёрнутый уголок страницы (так я отмечал рубеж прочитанного) в своём новеньком учебнике.

На планшете успеваемости в четвёртом классе я пересел с черепахи на паровоз. Радуюсь успеху, шёл спиной к Бугру и напевал:

– Наш паровоз вперёд лети, в коммуне остановка....

Останавливает «императрица»:

– Куда, Агарков?

– На почту, письмо брату отослать (Саня Саблин служил в армии, и мы переписывались).

– Давай сюда и возвращайся – я сама в ящик опущу.

На следующий день.... Была зловещей её ухмылка. Стальная линейка кусачей щучкой извивалась в жилистой руке.

– Ты думаешь, я такое письмо отправлю в Советскую армию? Как ты меня там называл? «Учихалкой»?! Бью я вас?! Ты ещё не знаешь, как это будет, если я начну вас бить.

Линейка со свистом рассекла воздух и вспорола обложку «Родной речи».

– Сядь и не вздумай меня провоцировать – сегодня я не в духе.

А я подумал, садясь, вот бы отцу рассказать, кто учебник порвал – он бы тебя так спровоцировал! Екатерина наша Невеликая (росточком не вышла) гордилась своим фронтовым прошлым, но и мой отец не за пряниками на танке ездил. Только не принято у нас родителям жаловаться – смерт-

ный грех.

Жаловался Вовке Грицай – соседу, другу, старшекласснику (на целый класс впереди!). Тот ухмылялся:

– Это что, ты бы с Копчёным повстречался – сразу бы в штаны наложил.

Копчёным звали их директора.

Вовка учился в восьмилетней школе номер три – двух-этажной, деревянной, через дорогу от нашей белокаменной, сорок четвёртой. Люся тоже там училась, а мама работала техничкой. Вечерами после занятий я прибегал ей помогать – переворачивал парты, подметал. Но Копчёного здесь не встречал.

Вовка рассказывал:

– Он как за волосы схватит, тащит по коридору и орёт: «Я тебя, паршивца, из школы выкину». И выкидывал с крыльца. А после ничего, не выгонял, даже и не вспоминал – главное под горячую руку не попасться.

– А вы бы на лысо постриглись, – подсказал.

– Да ему-то по фигу – он и за ухо может схватить. Так вырванные волосы отрастут, а ухо – хрен.

– Ещё моду взял, – Вовка рассказывал, – станет в дверях на большой перемене и ловит тех, кто из туалета в школу бежит – пальцы нюхает.

– Зачем?

– Так мы ж курим – пахнут табаком. Он за ухо и мордой об косяк. Лучше, говорит, я тебя паршивца сам убью, чем

ты от рака будешь загибаться. Так мы потом придумали – возьмём ладошку гавном натрём. Он нюхает и морщится:

– Вы что, паршивцы, жопу пальцем вытираете?

Умер Копчёный на боевом посту – в директорском кресле, от инфаркта. В день похорон в обеих школах занятия отменили – учащихся и учителей отправили в похоронную процессию. Не знаю почему, но гроб с телом подавали из квартиры через оконный проем. В траурной колонне все перемешались, и я под шумок удрал.

В третьей школе не было централизованного отопления – в каждом кабинете стоял барабан (печь круглая такая). Помогая маме убираться, золу выгребал и думал, как тут можно заниматься – огонь, потрескивая, отвлекает. Учитель выйдет – можно класс поджечь. Вот мы.... У нас батареи, так мы додумались в розетку проводочку сунуть (на руку варежку одев), и всё – короткое случилось замыкание, вся школа в темноте.

Шесть ночей восьмилетку сторож охранял, а с субботы на воскресенье его технички подменяли. Когда дежурство маме выпадало, мы с ней там ночевали. Вдвоём не страшно, закроемся в учительской – и гори вся школа синим пламенем. И воскресным днём надо было дежурить – школа-то пуста. Наши мамы (тетя Стюра Грицай тоже работала техничкой) посылали нас с Вовкой – вдвоём не скучно. Зато как страшно! Школа старая, насквозь гнилая – то наверху кто-то шумнёт, то под лестницей что-то скрипнет, то стон пой-

дёт неведомо откуда. Мы с Вовкой, чтобы скуку унять, стали про Копчёного страшилки сочинять. Как дух его гоняется за учениками – я вам покурю! я вам двойки получу! я вам...! Запугаем друг друга и на улицу бежать – мёрзнем, а назад боимся. Клянёмся больше не сочинять, а через неделю такая же история.

Но пойдём дальше, в пятый класс.

В пятом классе молоденькая биологичка, наша классная руководительница, объявила, что, окончив начальную школу, мы повзрослели – теперь у нас иные обязанности и права. Мы теперь можем садиться за парту, кто с кем хочет. Были дарованы и другие вольности. Например, право на собственное мнение.

Вот это и сгубило нашего первого классного (в смысле коллективного) руководителя – она просто не знала, с кем имеет дело. Она ничего не знала о нашем прошлом. Ей бы пообщаться с Катькой Невеликой, может быть, что-нибудь и уяснила, но, увы, общеизвестно – учителя-предметники свысока относятся к преподавателям начальной школы.

Она раскупорила сосуд, и джин неповиновения вырвался на волю. Вся накопившаяся ненависть к палачу-учителю выплеснулась на неё. Сказать, что мы не слушались, дерзили – значит, ничего не сказать. Мы с ней дрались. Нет, поймите меня правильно – я не дрался: не то воспитание. Однако не могу с себя снять ответственности за все те безобразия, что творил наш классный коллектив в борьбе со своим руководителем.

Она закрывала нас в кабинете после уроков – способ наказания. А мы её – только зазеваается или с девчонками отвлечется, ключ с доски из учительской оказывался в замочной

скважине. Щёлк – и «пишите письма мелким почерком». Она прыгнула в окно, чтобы добыть свободу и платье порвала. Такие страсти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.